

В немецком городке (название забыл [1]) -- две достопримечательности: театр и памятник. Театр -- несколько казарменного сложения, с овальным гербом над трёхдверием входа. Памятник Фридриху Шиллеру поставлен посредине Marktplatz'a [2] в профиль к ратуше: на гранитном цоколе на фоне цветных вывесок и кирпичных стен домов, обступивших рынок, мраморный человек с худым и длинным лицом. Сидит он в удобном мраморном кресле, прислонившись к круглой его спинке. На острых коленях -- свёрнутая тетрадь.

Естественно, что в юбилейные Шиллеровские дни, весной 1905 года, первая достопримечательность чествовала вторую и последнюю достопримечательность города: на театре поставили торжественный спектакль, произнесли речи и направились опять-таки от театра к памятнику многолюдной, но чинной толпой, возглавляемой магистратом и учёными обществами, для завершения празднества. Организатором чествования был уважаемый всеми директор театра герр Готгольд Кунц, что опять-таки вполне естественно: во-первых, он был директором театра, во-вторых, автором ещё в молодости писанной и всеми, до Кунца включительно, забытой статьи о Фридрихе Шиллере, помещённой в "Allgemeine literarische Zeitung" [3], ко дню юбилея умершая статья опять проявила знаки жизни, зашевелившись тремя-четырьмя пространными цитатами в местном Blatte [4]. В статье, как это теперь узнали все, от старого профессора Виндельмана до юной фрау Бальц (хорошенькой хозяйки овощной лавки, на вывеску которой пристально, не отрываясь вот уже пятнадцать лет сряду, смотрит мраморный Шиллер), доказывалось, на основании точного сличения разрозненных мест переписки поэта, неисчислимых "idem" [5] и "loco citato" [6], комментариев и музейного материала, что в бумагах поэта должна была находиться, очевидно, впоследствии затерянная, ни разу не опубликованная, пьеса. Ни заглавия, ни содержания её герр Кунц, конечно, не знал, но он полагал, опираясь на строго научные резоны, что это было самое лучшее из всех произведений великого поэта и, не без восклицательных знаков, скорбел о невознаградимой утрате для родной литературы и сцены, выражая лишь к концу слабую надежду на возможность отыскания затерявшегося манускрипта.

В обширной речи в театре и в кратком слове перед цоколем памятника почтенный герр Готгольд повторил, под хлопанье ладоней, стук палок и зонтиков, свои доказательства, назвав даты, заглавия и номера страниц.

Официальная часть торжества была окончена. Вечером в большом зале местного Kaiser Hotel'a состоялся полунинтимный ужин с участием местных поэтов и артистов. Тосты. Декламация. Престарелый профессор Виндельман делился воспоминаниями о встрече с троюродным племянником поэта в Штутгарде, но героем вечера оставался герой дня -- герр Кунц, -- он был первым из живых, собравшихся вокруг имени великого мертвеца.

Ободряемый стуком и трением кружек, ходивших по столу, возгласами "просим-просим", герр Кунц (это было уже поздней ночью, когда количество опорожнённых бутылок начинало брать верх над бутылками ещё не откупоренными) встал и, выждав минуту молчания, заявил, что отчаиваться преждевременно: утраченная пьеса великого мастера ещё может быть отыскана и он, Кунц, сделает всё возможное для... Грохот аплодисментов заглушил слова, но герр Кунц ещё не кончил. Стихло. "Как знать, -- восклицал он, -- далёк ли, близок ли день, когда я, Кунц (тут голос оратора оборвался от волнения), буду держать вот в этих самых руках гениальный манускрипт. И тогда..." Но оратора уже окружили. Поздравляли, дыша в лицо пивным перегаром. Образовалась очередь: для пожатия руки герру директору Кунцу.

Понемногу стали расходиться. Одни распевали "Песнь о колоколе", неизменно застревая в первых двух строках, -- дальше никто не помнил. Кто-то, перевирая слова, декламировал из "Телля".

Когда Готгольд Кунц подходил к двери своей холостяцкой квартиры, пустынная улица была залита луной; предутренний ветер шевелил листья каштанов. Кунц нащупал в кармане ключ и, открыв дверь, поднялся по четырём ступенькам лестницы. В комнатах было темно. Только лунный блик обеспокоенно ползал по полу. Ни спичек, ни свечки на столике в спальне не оказалось.

"Разиня Фриц", -- подумал герр Готгольд, но так как настроение его было благодушно, решил не будить слуги и раздеться в полутьме.

Герр Кунц, собственно, вот уже лет двадцать, как забросил всякие литературные изыскания и даже помыслы о поэзии, стихах, разысканных и неразысканных пьесах (вне пределов утверждённого Репертуарным Советом